

о божественных деяниях, стала основным предметом для рассказа о надмирном Божестве.

Приведенные примеры также показывают, что, несмотря на развитие представлений о надмирном характере Бога, люди не достигали идеи трансцендентности в собственном смысле слова — они продолжали воображать его как некое телесное существо, пусть даже огромного размера. размеры этого явленного тела Бога, вероятно, существенно увеличивались по мере развития*. Так, если пророк и ша-Ягу в VIII в. еще мыслит божественную фигуру вместимой в масштабы и ерусалимского Храма, его последователи несколько веков спустя говорят уже о теле, занимающем весь мир целиком.

Так говорит Господь:

— Небо Мне троном, земля — подножием ног!

Где ж вы постройте дом для Меня? (Ис. 66:1)

Левиафан и предвечная битва

*А если кружить меж добром и злом,
то Левиафан разевает пасть...*

и . Бродский

Морской змей Левиафан (в ивритском произношении Ливьятан) может быть одним из самых древних обитателей древнееврейской мифологической вселенной. и в то же время — одним из самых «здравствующих» по сей день. его имя — в форме Лотану — упоминается в угаритских заклинаниях и сказаниях, а сам образ водного чудовища (змея-дракона) и победы божества над ним — распространенный мифологический комплекс,

* Тем не менее разные традиционные представления о «размерах» Творца могли существовать и параллельно. См.: Smith M. S. The Three Bodies of God in the Hebrew Bible // Journal of Biblical Literature. 2015. Vol. 134, N 3. P. 471–488.

известный из многих архаических мифологий Ближнего Востока. В классическом библейском мире у Бога нет противников: как создатель Он качественно превосходит собой все сущее. Однако ряд текстов сохранил память о мифах, где YHWH как бог-воин побеждал морскую стихию или олицетворяющее ее чудовище — Левиафана — в упорной схватке.

Гибридная форма и связь с водой позволяют видеть в морском змее символ мирового хаоса. Дракон олицетворяет все то, что еще не приобрело форму; его убийство и расчленение кодирует установление мирового порядка, торжество роста над стагнацией и в конечном счете жизни над смертью⁷. Часто миф о драконоубийстве связан в ритуалах с сезонной парадигмой — завершением зимнего, влажного периода или, наоборот, засушливого летнего: в обоих случаях дракон может представлять властителем (или же узурпатором) водной стихии.

В вавилонском мифологическом эпосе «Энума Элиш» («Когда вверху») миф о победе над чудовищем непосредственно привязан к космогонии. Первоначально вселенная состояла из двух водных монстров — Тиамат и Апсу, олицетворявших водную стихию и правивших миром. По месопотамским изображениям их облик был, предположительно, драконоподобен.

Чтобы создать космос, богам потребовалось убить обоих. Центральным моментом мифа выступает битва Мардука с Тиамат; бог-воин побеждает чудовище с помощью четырех ветров, раздувающих тело Тиамат в разные стороны, чтобы дать ему возможность выстрелить из лука ей в сердце. убив Тиамат, Мардук рассек ее на части; из одной он сделал небо, а из другой землю. За это Мардук получил царство над остальными, в том числе более старшими, богами и построил свой храм в Вавилоне. и менно убийство Мардуком предвечного чудовища, праматери-бездны Тиамат, и ее рассечение на части делают возможным появление вселенной и, соответственно, превращают Мардука в царствующего бога-творца. Здесь драконоубийство и есть, собственно,

акт творения. В других случаях, как в хеттском мифе о змее и ллуянке, событие происходит в уже действующем мироздании, однако все равно символизирует его ежегодное возобновление.

В греческой мифологии предвечной битве со змеем соответствует противостояние Зевса с Тифоном, воспроизводящее похожий сюжет о борьбе космического божества с хаосом. римский географ Страбон, в частности, локализует эту битву именно на Ближнем Востоке: согласно ему, убегая от молний Зевса, дракон Тифон прокопал русло реки Оронт, а «проникнув под землю, заставил источники прорваться на поверхность» (Strab., Geogr., XVI 2:7). Это сообщение может отражать еще один вариант ближневосточного мифа о змееборстве.

В угарите присутствует целый ряд мифов, которые можно рассматривать как змееборческие. С одной стороны, мы уже упоминали поэму о борьбе Ба'лу с олицетворяющим водную стихию Ямму (букв. «море»), «князем морским и судьей речным», претендующим на вселенское господство. Нельзя исключать, что Ямму в этом мифе мог представлять в образе морского дракона, хотя это и не сказано напрямую. Все боги пугаются Ямму, кроме Ба'лу, который вступает с ним в бой и магической палицей пробивает ему лоб. После этого Ба'лу, как и Мардук, получает от сыновей Эля царские почести и строит себе дворец. Таким образом, хотя эта битва не связана с творением космоса, она все же завершается созданием новой ситуации в мире — воцарением Ба'лу над землей, по-видимому спасенной им от затопления.

Другая угаритская поэма — к сожалению, плохо сохранившаяся — рассказывает о сражении Ба'лу с подземным змеем Туннану. Борется с морскими чудовищами в угарите и богиня Анат. Помимо других противников богов, упоминается и семиголовый змей Лотану; некоторые исследователи отождествляют его с Ямму. Во всех этих случаях мы видим корреляцию представлений о чудовищах, населяющих реальное море, и образа самого моря (водной стихии в целом), стремящегося захлестнуть

Шумерское божество закладывает основание храма.
Месопотамия, ок. 2100 гг. до х. э.

сушу. В библейских текстах Левиафан также может иметь много голов (Пс. 74(73):14)* и, возможно, выступать в союзе с другими водными змеями (Пс. 74(73):13).

Страх перед непрестанно наступающим морем — и одновременно восторг перед чудесным фактом, что его наступление в итоге безуспешно, — характерен для древнеближневосточного человека. По-видимому, первоначально вся суша,

* Синодальный перевод ошибочно сообщает лишь об одной голове.

по представлениям древних израильтян, была покрыта водой, и только позднее Бог сотворил чудо и установил вселенную «на морях и реках» (Пс. 23(24):2), как в вавилонском мифе — на теле Тиамат. Этому могло предшествовать столкновение Бога с Морем; противостояние между водами и Творцом — сюжет его восхвалений в целом ряде библейских текстов. реки «возвышают голос свой, возвышают волны свои» (Пс. 93(92):3), но Господь «властвует над яростью Моря» и «укрощает их» (Пс. 89(88):10), воды «бегут от звука его грома» и «не возвратятся покрыть землю» (Пс. 104(103):7–9). Все это, по-видимому, рудименты мифа о предвечной битве с Морем-Ямму, необходимой для творения мира и воцарения YHWH.

Чаще в библейских текстах Творцу-воину противостоит абстрактное море как стихия, а для победы над ним достаточно его голоса. Однако отдельные тексты сохраняют и образ морского чудовища, олицетворяющего море в его деструктивной силе. и мя собственное этого чудовища — Левиафан — совпадает с угаритским Лотану (или Литану). Также его и его приспешников называют родовым именем *tannîn* — «дракон, крокодил» (в угарите мы встречаем и имя Туннану). Это слово, предположительно, родственное нашему «тунец»⁸. С другой стороны, Левиафан называется родовым именем *nāḥāš* — «змей». и в угаритских, и в библейских текстах морские драконы описываются парными характеристиками «змей (прямо)бегущий» и «змей извивающийся», подчеркивающими изменчивость, полиморфность символизируемого им хаоса; возможная этимология имени Лотану также связана со спиралевидной формой (а слово *tannîn*, напротив, может быть связано с идеей прямого движения). и в угарите, и в Библии божеству требуется оружие для победы над морским змеем — это палица или меч.

Так, в Псалме 74(73) описывается, как установление мирового порядка начинается с победы над морем и его чудовищными обитателями:

*Бог — мой царь издревле,
Изготовивший спасение в недрах земли:
— Ты раздробил Своей силой Море,
Разбил головы змеев на водах,
сокрушил головы Левиафану,
отдал его в пищу пустынным* зверям**!
(Пс. 74(73):12–14)*

Лишь затем псалом сообщает об устроении рек, дня и ночи, светил и сезонов. Таким образом, здесь отражен миф, согласно которому победа над Морем и Левиафаном, как и в Вавилоне, предшествовала творению и была для него необходима. Это самое прямое — и, возможно, самое древнее — библейское свидетельство о подобном мифе^{***}. В дальнейшем мы будем наблюдать тенденцию к его элиминации: либо Левиафан будет метафорически отождествляться с историческими, а не мифологическими явлениями (мировыми империями), либо представляться обычным животным.

В иных случаях имя Левиафан не названо, но упоминается о победе Бога над рагавом (Пс. 89(88):11, и ов 26:12) — что можно перевести как «буйный» — в контексте, связанном с морем. Это может быть прозвищем или эвфемизмом для Левиафана,

* Буквально «народу пустынных зверей», но текст может быть поврежден в процессе передачи. и. Ш. Шифман предлагает переводить как «народу мореходному». Однако более вероятно, что речь идет о версии мифа, в которой труп морского чудовища выбрасывается победителем в пустыню и скормливается зверям, как в приведенном ниже пророчестве й ехезк-Эля (и ез. 29:3–5).

** Синод. пер.: «Боже, Царь мой от века, устрояющий спасение посреди земли! Ты расторг силою Твоею море, Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни, [е фиопским]».

*** В псалме 89(88):11 победа над рагавом также предшествует упоминанию неба, земли и гор.

который тоже во многих случаях связан с гордыней и буйством*. Так, в Книге иова мы читаем схожее описание творения:

*Он подвешивает Цафон над бездной,
Он натягивает землю над не-сущим; <...>
Чертит круг по поверхности вод,
до раздела света и тьмы, <...>
Своей силой Море Он морищит,
Своей мудростью — Рагава сражает**! (Иов 26:7–8, 12)*

Со временем имя рагав начинает ассоциироваться с египтом и крокодилом как его символом. В Псалме 87(86):4 рагав напрямую означает египет («рагав и Вавилон»). В Книге пророка исаии (около VI в. до х. э.) упоминается битва с этим существом, но тоже, видимо, имеется в виду египет.

*Проснись, проснись,
оденься мощью,
о рука УНВН!
Проснись, как в древние дни,
поколенья назад!
Рагава не ты ль раскроила,
[не ты ль] раскленила дракона (tannin),
Не ты ль осушила Море, —
великую бездну! —*

* рагав может также быть самостоятельным мифологическим существом.
Прим. науч. ред.

** Синод. пер.: «Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем. Он заключает воды в облаках Своих, и облако не расседается под ними. Он поставил престол Свой, распростер над ним облако Свое. Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою. Столпы небес дрожат и ужасаются от грозы его. Силою Своею волнует море и разумом Своим сражает его дерзость».

*сделала дно морское —
дорогой для избавленных*! (Ис. 51:9–10)*

Превращение морского дна в дорогу здесь уже явно представляет собой отсылку к историзованному мифу о выходе израильтян из египта. Это может значить, что и образ победы над драконом рагавом здесь перенесен на исторический египет. Тем не менее избранная пророком образность — упоминание о рагаве как драконе и победе над ним — хранит память об архаическом мифе. Более того, она может показывать, что за библейским сказанием о раздвижении моря при выходе из египта также присутствует память о космогонической победе божества над водной стихией во время весеннего праздника.

Пророк й ехезк-Эль еще более последовательно политизирует миф о водном драконе-крокодиле, перенося его на современный ему египет: фараон (быть может, сатирически) изображается «великим крокодилом» (*tannîn*), который возлежит в Ниле; аналогом буйства или гордыни выступает его претензия на абсолютное владение Нилом. Это соответствует, с одной стороны, роли крокодилового бога Себека в египетской мифологии и, с другой стороны, египетским представлениям о фараоне как о сакральной фигуре, связанной с разливами Нила. Но для библейского автора эти претензии ложны, так что грядущее поражение египта в войне облекается в форму следующего пророчества:

*Так говорит Господь-Бог:
— Вот, Я — на тебя, Фараон, царь Египта,*

* Синод. пер.: «Восстань, восстань, оденься крепостью, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние! Не ты ли сразила раава, поразила крокодила? Не ты ли иссушила море, воды великой бездны, превратила глубины моря в дорогу, чтобы прошли искупленные?»

*Великий крокодил, возлежащий в своих реках,
говорящий: «Мой Нил, я сам его сделал!»
Но проткну Я крюком твои челюсти,
Я приклею к твоей чешуе рыб всех рек твоих —
вытащу тебя из реки твоей,
и заброшу в пустыню со всеми рыбами рек твоих;
ляжешь ты в чистом поле; <...>
земным зверям и небесным птицам скормлю тебя*!
(Иез. 29:3–5)*

Левиафан здесь не назван по имени, однако без труда узнается сюжет борьбы Бога с водным драконоподобным противником, труп которого в итоге будет брошен в пустыне. В другом месте книги и саии миф о победе над Левиафаном также пророчески переносится в будущее — на этот раз эсхатологическое:

*...в тот день поразит Господь мечом Своим тяжким
Левиафана, змея прямобегущего,
и Левиафана, змея извивающегося! —
Он убьет дракона (tannin) морского! (Ис. 27:1)*

Здесь двойственная характеристика единого Левиафана превращается в двух самостоятельных существ, что впоследствии становится основой для легенд о двух Левиафанах — самке и самце. Однако тут речь идет, по-видимому, не о собственно морских чудовищах, более не представляющих в глазах пророка угрозы власти Творца, а, по-видимому, о египте и Вавилоне.

* Синод. пер.: «Так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, фараон, царь египетский, большой крокодил, который, лежа среди рек своих, говоришь: “моя река, и я создал ее для себя”. Но Я вложу крюк в челюсти твои и к чешуе твоей прилеплю рыб из рек твоих, и вытащу тебя из рек твоих со всюю рыбю рек твоих, прилипшею к чешуе твоей; и брошу тебя в пустыне, тебя и всю рыбу из рек твоих, ты упадешь на открытое поле, не уберут и не подберут тебя; отдам тебя на съедение зверям земным и птицам небесным».

Таким образом, древним израильтянам была известна мифологема, согласно которой УНВН на заре времен вступал в битву с Морем, в частности с олицетворяющим его змеевидным драконом Левиафаном, и поражал его — пробивал голову (или головы) палицей, или же отсекал ее мечом. Можно предполагать, что затем Он выкидывал труп морского владыки в пустыню, на иссыхание и съедение зверям. Эта победа утверждала космическую власть Бога и, вероятно, была первым шагом к творению вселенной. Однако по мере становления библейского монотеизма морской дракон перестает быть предвечным мифологическим противником. упоминания о нем историзируются, а сам Левиафан превращается в метафору историко-политических явлений. и з библейской космогонии исчезает мотив победы над олицетворенным хаосом, мир создается Богом без всякого труда — словом. Левиафан же, во всем своем страшном обличье, теперь тоже лишь творение, игрушка для Него, существующая наряду с другими животными:

*...вот — великое море
в его бескрайнем просторе —
Там пресмыкающихся не счесть —
от мала и до велика;
Там проплывают суда,
там — этот Левиафан,
что для игры Ты создал...** (Пс. 104(103):25–26)

Так трансцендентализация образа Бога постепенно сводила на нет архаический миф.

Однако мифу о Левиафане повезло обрести новое дыхание благодаря поздней библейской Книге и ова. В ней Бог

* Синод. пер.: «Это — море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими; там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем».

описывает — а возможно, и демонстрирует — пораженному герою различные аспекты Своего могущества. Вторая из двух речей Бога почти целиком посвящена описанию чудовищ, одно из которых сохранило свое древнее имя. Здесь Левиафан уже не противник Бога, а творение. и все же творение чудовищное и неподвластное никому, кроме самого Бога. «Выудишь ли ты Левиафана? Зацепишь ли за язык веревкой? Вденешь ли ему в нос кольцо?» — риторически вопрошает Творец и ова (и ов 40:20–21). Даже остальные боги (или ангелы) боятся чудовища (и ов 41:17). Возможность человека выловить и съесть это существо полностью отрицается.

Тем не менее на этот раз сам Творец не спешит с ним бороться. Напротив, складывается впечатление, что явление Левиафана отражает какую-то тайну божественного промысла во вселенной. Возможно, он составляет одну из диковинок в мировом зоопарке при дворе Небесного Царя. Во всяком случае, по следам книги и ова Левиафан превратится впоследствии в одно из чудес, которые показывают визионерам-мистикам, путешествующим на небо. Таким образом, теперь встреча с ним — это символическое видение мировой бездны, стихийной, иррациональной и все же тоже каким-то образом включенной в гармонию подвластного Богу мира.

Характерная особенность образа Левиафана в книге и ова и восходящей к ней традиции — существование рядом с ним второго чудовища, которое названо в речи Бога словом *bəhēmōt*. Буквально это слово представляет собой множественное число от *bəhēmāh* («скотина»), однако речь в книге идет о единственном существе — множественность грамматической формы, по-видимому, лишь знак особого величия (возможно также, что это эвфемизм для какого-то другого названия). С легкой руки М. В. Ломоносова это слово стало обозначать в русском языке гиппопотама, поскольку многие читатели с эпохи Просвещения идентифицировали описанное в Книге и ова существо именно с ним.

В действительности основания для идентификации библейского *bəḥēmôt* с гиппопотамом недостаточны. Одним из ключевых признаков, повлиявших на такое решение исследователей, является строчка «траву, как бык, он будет есть» (и ов 40:15), однако эта фраза в контексте может быть и иронической, указывающей как раз на хищный нрав этого Бегемота: «Траву [ли], как быку, ему есть?!» Остальное описание чудища слишком поэтично, чтобы указать однозначно на какое-либо конкретное животное, а язык Книги и ова отличается сложностью для понимания. Ясно лишь, что Бегемот возлежит в тени камышей, ив и лотосов — черты скорее речного животного, но применимые с тем же успехом, например, к крокодилу. Приблизительный перевод его основного описания мог бы выглядеть, без учета трудностей текста, примерно так:

Смотри: вот Бегемот, которого Я создал с тобой:

траву ли он, как вол, станет есть?!

Сила его — в бедрах,

мощь его — в мышцах брюха;

Он ворочает хвостом, как кедром,

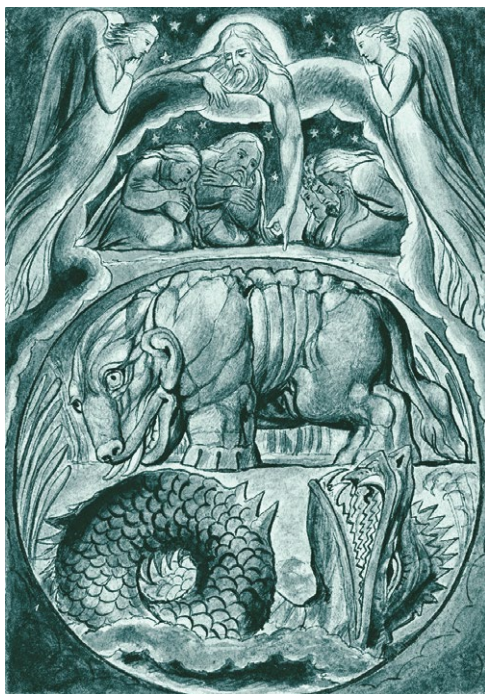
жилы его ляжек — канаты;

Кости у него — литая медь,

ребра у него — кованая сталь . (Иов 40:15–18(10–13))*

В истории рецепции существовали самые разные зоологические интерпретации образа Бегемота, которые включали в себя не только слона и буйвола, но и червей и даже саранчу. В еврейской традиции он чаще рассматривается как животное сухопутное, царь зверей, чему способствует другой стих,

* Синод. пер.: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья...»

Бегемот и Левиафан из книги Иова: новоевропейское изображение.
Дж. Линнелл по мотивам У. Блейка, 1825 г.

в котором «горы приносят ему дань» (и ов 40:20). В Талмуде он будет представляться быком исполинских размеров — какой существовал и в ханаанейской мифологии о чудовищах.

Таким образом, описание Бегемота в книге и ова дает возможность для самых разных спекуляций. Нет даже уверенности в том, что речь идет именно о двух разных существах, а не об одном и том же (Бегемоте-Левиафане). Даже если на образ Бегемота повлиял зоологический гиппопотам (хотя сходство между ними не так велико), в книге и ова это больше чем просто животное. Это именно непобедимое мифологическое чудовище, лишь превратившееся впоследствии в элемент божественного управления миром.

Аналогичным образом исследователи пытаются соотносить второе чудовище — собственно Левиафана — с крокодилом. Однако и здесь сходство ограничивается во многом тем, что у Левиафана в книге и ова остается лишь одна голова вместо древних семи. В остальном описание, безусловно, посвящено животному, во-первых, морскому, а во-вторых, огнедышащему. Это подчеркивает фантастический и мифологический характер явления. Вот как переводит его описание, в частности, М. и . рижский, отстаивавший точку зрения, будто перед нами крокодил:

*Из пасти его выходят языки пламени,
Искры огненные вырываются,
Из ноздрей его выходит дым... <...>
Коснувшийся его меч не устоит,
Ни копье, ни стрела, ни дротик... <...>
Заставляет кипеть, как котел, пучину,
Море претворяет в кипящий котел.
За ним — светящаяся дорога,
Бездна кажется сединою.
На земле нет подобия ему,
Он сотворен бесстрашным.
На все высокое он смотрит с презрением.
Он царь над всеми гордыми зверьми⁹.
(Иов 41:11–12, 18, 23–26)*

Два чудовища в книге и ова (если их действительно два) — случай воскрешения древнего мифа на монотеистической почве. Чтобы подчеркнуть величие Бога, автору потребовалось противопоставить ему выдающиеся, превосходящие воображение монструозные фигуры, не вписывающиеся в обычную природную реальность. Он позаимствовал их из архаического арсенала противников Бога, однако подчинил их ему. Верно будет сказать, что контроль Бога над

Бегемотом и Левиафаном — противопоставленный их полной неподвластности человеку — указывает на новые отношения между хаосом и космосом, в которых хаосу принадлежит своя таинственная роль в «экономике» мироздания. Таинственность фигур Бегемота и Левиафана в книге и ова и их связь с экзистенциально насущными вопросами о справедливости Бога обеспечила им дальнейшее развитие в еврейской и европейской культурах.

Книга и ова дала Левиафану (и Бегемоту) новую жизнь. Теперь они не были убиты в предвечные времена, а тем или иным способом существовали во вселенной. Можно наметить три основные траектории дальнейшего развития образа Левиафана — зоологическую, демонологическую и космологическую (теологическую). В рамках первой Левиафан и Бегемот рассматриваются комментаторами как прежде всего обычные животные. Так, в современном иврите *liwyaṭan* обозначает кита, а *tannîn* — крокодила. Напротив, в рамках демонологической тенденции Левиафан и Бегемот сохраняют свое противостояние с Творцом и его силами, становясь символами мирового Зла или даже, в христианском Средневековье, конкретными демонами. уже в раннехристианском Откровении и оанна Богослова (Апокалипсисе) семиглавый дракон, восходящий к образу Левиафана, выступает аллегорическим образом дьявола. В европе сложился также образ Левиафана как преисподней с огромной пастью — мотив, воскрешающий угаритский образ Муту (Мота).

В еврейской традиции развивается, однако, третья тенденция, сохраняющая элемент мифологизма. В ее рамках Левиафан (и Бегемот) остаются, с одной стороны, обычными творениями, но с другой — творениями чудесными, стоящими на грани реального и потустороннего. С одной стороны, они отождествляются с «великими драконами» (*tannînîm gəḏōlîm*), первыми из живых

существ в рассказе о Творении (Быт. 1:21)*. С другой же стороны, их существование все же угрожает миру и требует, как и в архаическом мифе, божественного вмешательства.

Согласно одной версии этого рассказа, два сотворенных чудовища не помещались в отведенной им части моря, так что они были разделены и самец отправлен жить в далекую пустыню (3 езд. 6:49–52, 1 е н. 60:7). Место пребывания обоих остается сокрыто до конца света, когда они внезапно явятся, чтобы стать пищей для праведников (2 Вар. 29:4). Согласно другой, оба чудовища — и Бегемот, и Левиафан — были изначально сотворены парами, однако их совокупление (или порождение потомства) привело бы к гибели всего мира.

Сказал рав Йегуда, что сказал Рав:

— Все, что сотворил Пресвятой-Благословенный в Своем мире — сотворил Он мужским и женским. Даже «Левиафан, змей бегущий» и «Левиафан, змей извивающийся» (Ис. 27:1) — самца и самку сотворил Он их. И если бы соединились они друг с другом — разрушили бы весь мир целиком.

Что же сделал Пресвятой-Благословенный? — Оскопил самца и убил самку, и засопил ее для праведников в Грядущем, как написано: «Он убил дракона морского» (Ис. 27:1).

Также и Бегемота с тысячи гор (Пс. 50(49):10) сотворил Он мужским и женским. И если бы соединились они друг с другом — разрушили бы весь мир целиком.

Что же сделал Пресвятой-Благословенный? — Оскопил самца и заморозил самку для праведников в Грядущем... (Вавилонский Талмуд, Бава Батра, 74а)

Таким образом, величие Бога демонстрируется через его способность как создавать, так и контролировать предельные

* В синод. пер. — «рыб больших».

творения, не совместимые с мирозданием. При этом самцы Левиафана и Бегемота продолжают рассматриваться как живые существа, которые могут быть встречены на границе повседневного опыта. Они существуют на земле в единственном экземпляре наряду с третьим, пернатым чудовищем — птицей Зиз, возглавляя царства морских, сухопутных и летающих животных соответственно.

Вслед за пророчеством и шайи миф о Левиафане сохраняет и эсхатологическое измерение. В будущем мире* самцы Левиафана и Бегемота будут убиты самим Творцом или ангелом Габриэлем в сцене, напоминающей охоту. Либо же, по другой версии, убьют друг друга в схватке: Бегемот распорет Левиафана рогами, а Левиафан зарежет Бегемота плавниками. Те, кто не ходил смотреть на звериные бои в этом мире, в будущем мире удостоятся созерцать эту схватку. Главное, однако, что само их парадоксальное существование получает эсхатологическое оправдание: они станут пищей праведников на вечном посмертном пиру. В честь этой грядущей трапезы существует также обычай есть рыбу — символ Левиафана — каждый Шаббат.

Тем самым, если сейчас размеры Левиафана и Бегемота представляют собой катастрофу, в глобальной перспективе они осмыслены как источник бесконечного изобилия: праведники будут вечно ими питаться, и еще останется. Эсхатологическое применение получит и кожа Левиафана, которая, считается, обладает чудесным сиянием. и сталкиваясь различные библейские стихи, мудрецы Талмуда приходят к выводу, что каждый получит долю этой кожи, и хватит еще на целый и ерусалим.

* Как будет обсуждаться в следующих главах, еврейская эсхатология I тыс. х. э. противопоставляет два эона — «этот мир», исторический, в котором мы живем, и «мир будущий», наступающий после конца света.

Сказал Рабба, что сказал рабби Йоханан:

В будущем Пресвятой-Благословенный сделает праведникам шатер из кожи Левиафана, как написано «Начинишь ли шатрами его кожу?». (Иов 40:31(26))

Кто удостоился — тому шатер, а кто нет — тому укрытие, как написано затем «или укрытием рыбным — его голову». (Иов 40:31(26))*

Кто удостоился — тому укрытие, а кто нет — тому ожерелье, как написано «прекрасный венок (līwuaṭ-ḥēn) они для твоей головы, ожерелье на твоей шее». (Притч. 1:9)

Кто удостоился — тому ожерелье, а кто нет — тому камю, как написано «повяжешь ли его своим девицам». (Иов 40:29(24))

*А остаток кожи Левиафана повесит Пресвятой-Благословенный на стены Иерусалима, и будет он сиять от края мира до края мира, как написано «народы будут ходить в твоём свете, и цари — в твоей лучезарности»**. (Ис. 60:3; Вавилонский Талмуд, Бава Батра, 74б)*

Напротив, ра́гав, убитый в предвечной битве, становится в Талмуде отдельным персонажем — «князем» или «ангелом» моря. Когда Всевышний приказал ему поглотить все воды, чтобы показалась суша, тот самодовольно воскликнул: «Довольно и того, что я остаюсь в своих пределах [а не покушаюсь на небо]!» Тогда Всевышний убил его. Труп ра́гава и поныне лежит на дне морском (Вавилонский Талмуд, Бава Батра, 74б).

* В оригинале — непереводаемая игра слов. Более верен синодальный перевод: «можешь ли пронзить его кожу копьем, и голову его рыбацкй острогой».

** Синод. пер.: «и придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию».

Другая традиция, более мистического толка, отождествляет Левиафана с опоясывающим землю мировым змеем, «хвост которого — во рту его» — то есть с мировым кругом или с мировой осью. В этом качестве он превосходит обычные творения, включая даже великих морских драконов. Так, согласно мидрашу «Пиркей де-рабби Элиэзер», морские драконы выступают лишь пищей для Левиафана:

Открывает он пасть — и тот великий дракон, который предназначен ему в пищу в этот день, бежит и бросается ему в пасть. (Пиркей де-рабби Элиэзер, 7:9)

Согласно этому же источнику, между плавниками Левиафана установлен «центральный столб земли». Другие тексты говорят, что мир окружен его плавниками со всех сторон. В апокрифической книге Откровения Авраама, написанной в I в. х. э., визионер на небе созерцает всю вселенную как бы извне и обнаруживает ее стоящей на спине Левиафана; именно он, как является герою, выступает в том числе причиной землетрясений. За контроль над ним отвечает высший из ангелов — йаоэль. Землетрясения связываются с Левиафаном и в каббалистической книге Зоѓар. Мотив земли, стоящей на Левиафане или опоясанной им, встречается также в гностических и мусульманских источниках, куда он, по-видимому, пришел из еврейской традиции.

Перекликается с этими мотивами и новая интерпретация, которую дал Левиафану английский философ Томас Гоббс (1588–1679). Согласно Гоббсу, Левиафан символизирует собой государство как надчеловеческое существо, живой сверхорганизм с собственной зловещей, но необходимой волей. Название его трактата — «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» — всколыхнуло новую волну популярности Левиафана как образа тоталитаризма. Отсюда, в частности, название фильма А. Звягинцева «Левиафан», где

Вход в ад в виде пасти Левиафана: христианское изображение.
Иллюстрация из книги «Против собора в Риме, устроенного дьяволом», 1545 г.

образ китового скелета метафорически перекликается с бюрократическим произволом.

Таким образом, хотя миф о предвечной битве Бога с хаосом был вытеснен из мира еврейского воображаемого в процессе становления монотеистических представлений, его рудименты — и прежде всего главный (анти)герой Левиафан — не только сохранились, но и продолжили действовать и развиваться в культуре.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)